

И. В. Пьянков

АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О СРЕДНЕЙ АЗИИ
И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*(По поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапена)*

В настоящей статье речь идет о двух статьях французских ученых Ф. Грене (Fr. Grenet) и К. Рапена (Cl. Rapin). Одна – совместная: «Alexander, Ai Khanum, Termez: remarks on the spring campaign of 328», вторая принадлежит только К. Рапену – «L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée: propositions pour un décodage». Эти статьи были опубликованы в журнале «Bulletin of the Asia Institute», N.S. 1998. V. 12. Bloomfield Hills, 2001. P. 79–89, 201–225¹.

Но поскольку я уже не один десяток лет занимаюсь проблемами, которым посвящены статьи упомянутых французских ученых, и опубликовал немало работ на эту тему, достаточно известных и у нас, и за рубежом (хотя в обсуждаемых статьях нет ни одной ссылки на них), попытаюсь все же развеять это впечатление. Предлагаемый ниже обзор будет содержать не детальный критический анализ статей, а главным образом рассмотрение основных проблем, затрагиваемых в статьях, с изложением моих вариантов их решения, содержащихся в уже опубликованных работах. Судить о том, чей вариант убедительнее, предоставляю читателю.

Совместная статья Ф. Грене и К. Рапена начинается с реконструкции событий *весенней кампании Александра 328 г. до н.э.* (GR. P. 79–85). Основой для реконструкции служат сообщения двух античных авторов: Арриана (IV. 15. 7–16. 3) и Курция (VII. 10. 13–15). Напомним, что Арриан в данном случае говорит о походе Александра (из Бактр) к Оксу и решении его идти в Согдиану, о чудесном источнике, появившемся в македонском лагере близ Окса, переходе Александра в Согдиану и о части его войска, оставшейся в Бактрии, походе войска Александра по Согдиане пятью колоннами, наконец, о соединении всего войска в Маракандах, а Курций – о выступлении Александра (из Бактр) и подавлении им восстания, походе к Оксу и обнаружении близ него чудесного источника, переходе Оха и Окса, прибытии к городу Маргания и основании близ него шести крепостей. В статье отмечено, что информация того и другого античного автора в общем согласуется, хотя и отличается в деталях; так, по Курцию (VIII. 1. 1), соединение отрядов Гефестиона и Кена с Александром состоялось до взятия скалы Аримаза, а по Арриану – все эти события произошли только после прибытия Александра в Мараканды (GR. P. 79).

Ход событий французские авторы восстанавливают так: Александр идет из Бактр к Оксу в районе Термеза, затем вдоль этой реки к другой – к Оху, в ко-

¹ Далее в ссылках эти две статьи будут обозначаться соответственно как GR и R.

Удивительной чертой данных статей является полное умолчание авторов об исследованиях, посвященных исторической географии Средней Азии, российских ученых. Редколлегия «Вестника древней истории» в лице акад. Г.М. Бонгард-Левина обратилась ко мне с просьбой дать отзыв на эту статью, выражая свою обеспокоенность «...той тенденцией, которая явственно проступает в данной статье, – полностью забывать все, что сделано российскими учеными... Благодаря этим умолчаниям создается впечатление, что историческая география Средней Азии античной и раннесредневековой эпохи до появления здесь французских ученых совершенно не исследовалась».

тором они видят Пяндж; переход через «Ох и Окс» – это переправа через Пяндж (в районе Архана) и Вахш, т.е. вход в Согдиану; прибытие к городу Маргания – это прибытие к Термезу (GR. P. 81–84). Иную точку зрения на эти события авторы нашли лишь в работах А.Б. Босуорта (A.B. Bosworth, 1981 г.) и П. Бернара (P. Bernard, 1982 г.)², с которыми и полемизируют; первый считал, что Александр переправился через Кундузаб (Ох) и Пяндж (Окс), откуда и пошел к Самарканду, встретив на пути Марганию, где-то в долине Вахша или Кафирнигана; второй «направлял» Александра через Келиф прямо к Самарканду, а пять колонн македонского войска «распределял» по пяти правым притокам Амударьи, ссылку же на Марганию (= Маргиану) считал недоразумением (GR. P. 79, 80).

Здесь авторы рассматриваемой статьи совершают очень частую, типичную для историков ошибку: они воспринимают используемые тексты так, будто эти тексты являются оригинальными повествованиями, первоисточниками. Между тем сочинения Арриана и Курция – сложные компиляции, сведения которых можно использовать только после специального источниковедческого анализа. Такому анализу посвящено немало исследований, в том числе работы Э. Шварца (E. Schwartz) и Ф. Якоби (F. Jacoby), без учета которых невозможно обойтись при использовании сведений античных историков (но которых авторы рассматриваемой статьи, видимо, не знают, во всяком случае, ссылок на них в статье нет). Я специально анализировал те же самые тексты Арриана и Курция, опираясь на указанные исследования, в двух своих работах³.

Выводы мои таковы. Сведения Арриана и Курция в данном случае, как и во многих других, восходят (не всегда непосредственно) к двум основным источникам, которые можно условно обозначить как источник «А» (видимо, Птолемей Лаг) и источник «В» («вульгата», «романтическая» версия; видимо, Клитарх). Арриан пользуется своими источниками свободно, умело комбинируя их, иногда объединяя по смыслу разновременные события. Курций соединяет разные версии менее искусно, оставляя стыки между ними более заметными, нередко излагает одно и то же событие сначала по одной, затем по другой версии, считая их двумя разными событиями⁴. Все эти характерные черты отражены и в рассматриваемых отрывках.

Арриан здесь следует одной версии «А». Курций сначала следует той же версии, рассказывая о походе к Оксу и чудесном источнике, но затем переходит к версии «В», вновь рассказывая о походе к Оксу, когда Александр «перешел реки Ох и Окс», о прибытии к Маргании и основании крепостей; той же версии «В» он следует далее в рассказе о взятии скалы Аримаза (VII. 11); но затем возвращается к версии «А», повествуя о походе македонского войска по Согдиане несколькими отрядами и соединении их в Маракандах (VIII. 1. 1. 2. 7).

Таким образом, мы имеем не два отдельных рассказа двух античных авторов, а две версии, одна из которых («А») отражена и у Арриана (IV. 15. 7–16. 3), и у Курция (VII. 10. 13. 14; VIII. 1. 1. 2. 7), другая («В») – только у Курция (VII. 10. 15–11. 29). В первой версии говорится о походе из Бактр к Маракандам, во второй – о походе из Бактр к некоей Маргании. Обе версии очень близки одна другой. Расхождения между ними вполне объяснимы.

² Библиографические ссылки, содержащиеся в рассматриваемой статье и в моих работах, о которых здесь и далее идет речь, не будут воспроизводиться.

³ Пьянков И.В. Мараканды // ВДИ. 1970. № 1. С. 46–48; *он же*. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972. С. 44–50.

⁴ *Он же*. Мараканды... С. 34.

В той и другой версиях говорится о походе к Оксу, хотя в каждой из версий имеются свои дополнительные детали: в версии «А» – обнаружение чудесного источника, в версии «В» – переход через Ох на пути к Оксу⁵.

В той и другой версиях говорится о походе, одинаково охарактеризованном как «второе покорение согдийцев», к конечному пункту, в версии «А» названном Маракандами, а в версии «В» – Марганией; правда, и здесь мы наблюдаем различие: в версии «А», повествующей о походе македонян несколькими колоннами⁶, о событиях рассказано более подробно.

В той и другой версиях после прибытия к конечному пункту македоняне основывают города-крепости. В версии «В» этим событиям посвящен рассказ Курция (VII. 10. 15. 16) об основании шести крепостей вокруг Маргании в качестве «узды для покоренных племен», которому соответствует сообщение Диодора (XVII, prol. 2. 24) об «основании городов в удобных местах для наказания восстающих» после второго покорения согдийцев; но и в версии «А» имеются соответствующие сообщения, как у Арриана (IV. 16. 3), так и у Курция (VIII. 2. 13), о заданиях Гефестиону после прибытия к Маракандам⁷.

Наконец, в той и другой версиях говорится о взятии Александром скалы Ариамаза (Аримазы) – Согдийской скалы. К сожалению, ни по Курцию, ни по Арриану нельзя установить точное место этого события в последовательности других событий похода Александра 328 г. до н.э. Курций, описав поход к Маргании, основание шести городов-крепостей и захват скалы Аримаза (VII. 10. 13–11. 29), переходит к рассказу о тех же событиях по другому источнику (VIII. 1. 1. 2. 7. 10; 2. 13). Арриан, взяв за основу этот второй источник, рассказывает соответственно о походе к Маракандам и об основании городов Гефестионом (IV. 16. 1–3), а рассказ о захвате Согдийской скалы (IV. 18. 4–19. 6) переносит в описание значительно более поздних событий, относящихся к весне следующего, 327 г. до н.э., придерживаясь своего метода – группировать вместе сходные события (в данном случае это осады Согдийской скалы и скалы Хориена)⁸. Следовательно, опираясь только на текст Курция и Арриана, вообще нельзя судить о том, какое событие произошло раньше: то ли прибытие Александра в Мараканды, то ли соединение с ним других отрядов, то ли взятие скалы Аримаза (ср. GR. P. 79).

На помощь здесь приходит Диодор, который излагает события, придерживаясь только версии «В». Порядок его изложения таков. После «покорения согдийцев второй раз» и основания городов в «удобных местах» (XVII, prol. 2. 24), – чему, как уже говорилось, в версии «В», изложенной Курцием, соответствует поход через Ох и Окс к Маргании и затем основание шести городов-крепостей, а в версии «А» – поход через Окс в Согдиану несколькими колоннами, соединение их в Маракандах и затем основание городов Гефестионом, – у Диодора следуют «третье восстание согдийцев» и захват «Скалы» (XVII, prol. 2. 25), т.е. скалы Аримаза, охота в Басистах (XVII, prol. 2. 26), убийство Клита (XVII, prol. 2. 27). Видимо, такой и была последовательность событий; притом, судя по Курцию (VIII. 1. 7. 10. 19), лагерь Александра находился все

⁵ Об этом см. *Он же*. Древний Самарканд... С. 48.

⁶ О причинах неполного соответствия в списке колонн у Арриана (IV. 16. 2) и Курция (VIII. 1. 1. 10), придерживающихся здесь одной и той же версии «А», см. *Пьянков*. Древний Самарканд... С. 47, 48.

⁷ Обо всем этом более подробнее см. *он же*. Мараканды... С. 46–48; *он же*. Древний Самарканд... С. 44, 45, 48, 49.

⁸ См. по этому поводу: *он же*. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 43.

это время в Маракандах, которые Александр покинул лишь после гибели Клита (VIII. 2. 13).

Какие выводы следуют из проделанного сравнительного анализа источников, повествующих о походе Александра 328 г. до н.э.?

Во-первых, ясно, что «Маргания» версии «В» в изложении Курция соответствует «Маракандам» других источников и подразумевает тот же город, что и это последнее название, т.е. древний Самарканд⁹, а не является неизвестным названием «равнины» Термеза (GR. P. 82–84). Впечатление, что в данном случае речь идет о двух отдельных городах с разными названиями, – обманчиво. Историки обычно имеют дело с текстом древних авторов, уже отредактированным издателем; в рукописях же, там, где мы читаем в отредактированном тексте слово «Мараканды», могут быть формы, еще более далекие от последнего, чем «Маргания»¹⁰. Форма *Marga/iniā* осталась на виду потому, что издатели уже давно исправляют ее на *Margiana*, хотя и о Маргиане здесь речи быть не может. Возможно, что греческим прототипом ее была форма, подобная *Μαράγανδα* Плутарха¹¹.

Следовательно, во-вторых, основание городов-крепостей в окрестностях «Маргании» состоялось в округе Самарканда¹², а не Термеза (да еще якобы с ошибкой источника в определении направления – восточного вместо западного, GR. P. 82), и к тому же было, видимо, частью более широкой акции. Сопоставляя сообщения двух основных версий, «А» и «В», представленных у Арриана (IV. 16. 3), Курция (VII. 10. 15. 16 – версия «В»; VIII. 2. 13 – версия «А», ср. *Incert. Auct. Epit. R.G.A.M.* 19) и Диодора (XVII, prol. 2. 24), а также сообщения версии Аристобула у Страбона (XI. 11. 4) и версии Трога у Юстина (XII. 5. 13), получим такую картину. Сразу же после соединения всех отрядов македонского войска в Маракандах весной 328 г. до н.э. Александр послал Гефестиона основывать города-крепости – военные поселения. В новый отряд Гефестиона вошли ненадежные воины, «склонные к мятежу». Поселения были основаны не только в окрестностях Мараканд, два к югу и четыре к востоку, но и дальше на юг и восток, в Наутаке и Бактрии. Всего их было основано по одной версии – восемь, по другой – двенадцать. Назначение их состояло не только в том, чтобы служить «уздой для покоренных племен», но и в том, чтобы обеспечить подготовку зимних лагерей перед кампанией следующего, 327 г. до н.э.

Наконец, в-третьих, Согдийская скала Ариамаза находилась тоже где-то недалеко от Самарканда, а не на пути из Термеза в Самарканд в районе Железных ворот (R. P. 220), при этом не имела никакого отношения ни к Оксу, ни к Оксийским горам (ср. R. P. 204)¹³. Видимо, отправив Гефестиона основывать военные поселения, Александр сразу же пошел из Самарканда к Согдийской скале, чтобы подавить последний очаг сопротивления согдийцев, их «третье восстание». Поход носил характер кратковременной карательной экспедиции, завершившейся той же весной 328 г. до н.э. и возвращением Александра в Мараканды. Так что искать эту скалу, расположенную, по словам Полиена (IV. 3.

⁹ *Он же.* Мараканды... С. 34, 39, 47; *он же.* Древний Самарканд... С. 26, 45, 49.

¹⁰ О всех разночтениях названия «Мараканды» см. *он же.* Мараканды... С. 34.

¹¹ *Он же.* Древний Самарканд... С. 26.

¹² *Он же.* Мараканды... С. 46–48; *он же.* Древний Самарканд... С. 48, 49.

¹³ Для текста Страбона (XI. 11. 4), где говорится о «скале Окса» в Согдиане как другом названии «скалы Ариамаза», правильное чтение предложил еще А. Бэр: Ὀξάρτου вместо Ὠξου, т.е. «скала Оксирта» (ср. *Arr. Anab.* IV. 18. 4) (*Behr A. De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate.* Argentorati, 1888. P. 32).

29), «в середине» (κατὰ μέσην) Согдианы, в лесистых горах, изобилующих водами, следует где-то к востоку или юго-востоку от Самарканда, на небольшом от него расстоянии, выше по Зеравшану или в горах Зеравшанского хребта. Вскоре после возвращения Александр вновь направился в те же места – на этот раз для охоты в царском парке в области Басиста (Bazaira у Курция – VIII. 1. 10) и снова возвратился в Мараканды. Басиста охватывала районы Ургута, Пенджикента и, может быть, места еще выше по Зеравшану¹⁴.

С реконструкцией событий указанной кампании Александра Ф. Грене и К. Рапен связывают вопрос о границе между Бактрией и Согдианой. Эти события, считают они, не оставляют никакого сомнения в том, что граница проходила по Оксу (Амударье) и Оху (Пянджу), но делают оговорку, что граница, о которой нам известно по классическим источникам, – преимущественно административная, не всегда совпадающая с границами по признакам языка, культуры и т.п. (GR. P. 85, 86; R. P. 201). Оппонентов своей точке зрения наши авторы видят лишь двух: Б. Лионне (B. Lyonnet) и П. Бернара. Первая предложила считать границей Кундузаб, позиция второго сложнее: сначала он считал границей Кокчу (1978 г.), но затем круто изменил свое мнение и стал «проводить» границу по средней Амударье, Гиссарскому и Байсунскому хребтам (1990 г.) (GR. P. 85, 86). С этим последним мнением, – принадлежащим П. Бернару и основанным на двух сообщениях источников: 1) страна паретаков не принадлежит Согдиане и 2) расположенная там скала Сисимитра (Хориена) находится в Бактриане, – авторы и полемизируют (GR. P. 86; R. P. 201).

Вопросу о границе между Бактрией и Согдианой посвящена большая часть одной из моих работ¹⁵. Работа эта была издана к Советско-французскому симпозиуму «Археология древнейшей Бактрии», состоявшемуся в Душанбе (27. 10 – 3. 11. 1982 г.), и вручена мною лично французским участникам. На симпозиуме я сделал доклад, посвященный этой проблеме¹⁶, и в нем рассмотрел все известные мне тогда взгляды русско- и иноязычных исследователей на проблему границ Бактрии, в том числе и гипотезу П. Бернара о «Большой Согдиане», согласно которой Согдиана включала не только правобережье Средней Амударьи, но и Бадахшан и все земли к востоку от Кокчи, изложенную им в работе 1978 г., на которую и ссылаются авторы обзора статьи; в своей работе я привел, как мне кажется, достаточно убедительные аргументы, не позволяющие принять эту гипотезу¹⁷. Вывод мой был таков: граница между «странами» Бактрией и Согдианой проходила по Амударье лишь в районе Келифа и несколько выше и ниже этого пункта, «но восточнее граница, отмеченная горным проходом Бузгалахона, шла по юго-западным отрогам Гиссарского хребта – Кугитангтау и Байсунтау»¹⁸. Там же я отмечал разницу между административными границами, которые фиксируют античные источники (будь то границы между «странами» или между «сатрапиями»), и этническими,

¹⁴ Об этой области см. Пьянков И.В. «Басисты» // Известия АН ТаджССР. Отд. обществ. наук. 1970. 3. С. 40–46. Мой коллега и друг, археолог У. Эшонкулов, уроженец Пенджикента, обнаружил в указанных местах, к востоку и юго-востоку от Самарканда, и скалу, и материальные остатки парка, в точности соответствующие древним описаниям, и готовит книгу об этих открытиях.

¹⁵ Он же. Бактрия... С. 34–54.

¹⁶ Он же. К вопросу о границах Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. Тез. симпозиума. Душанбе, 1982. С. 80–82.

¹⁷ Он же. Бактрия... С. 50–52.

¹⁸ Там же. С. 47.

но допускал, что границы Бактрии как «страны» (но не «сатрапии») действительно близко соответствуют этническим границам¹⁹.

Каковы основания для того, чтобы считать реки Окс и Ох границами между Бактрией и Согдианой? Разумеется, никаких указаний на то, что переправа через Ох и Окс означала «вход в Согдиану» (GR. P. 81; R. P. 201), ни у Курция, ни у Арриана нет. Окс действительно признавался античными авторами границей, но так получилось лишь потому, что Эратосфен в своей картографической схеме обобщил положение, известное ему по нескольким эпизодам походов Александра; в действительности Окс-Амударья был границей между двумя странами только на небольшом протяжении его среднего течения, западнее Кугитангтау²⁰. Об Охе же вообще ничего не говорится как о границе: сообщение Страбона (XI. 11. 5) о том, что Ох протекает «мимо» Бактрианы (παρ αὐτῆν) вряд ли можно понять как указание на границу (ср. GR. P. 81; R. P. 204), а пассаж из Плиния (VI. 48) вообще не имеет никакого отношения к Оху (ср. R. P. 216, 221), так как в нем говорится об Оксе в контексте обычной схемы Эратосфена²¹.

Вообще, проблема Оха значительно сложнее, чем это представляется нашим авторам. Ей уделяли внимание очень многие исследователи, в том числе и русскоязычные. И представление о том, что в античных источниках под одним названием «Ох» скрывались известия о двух разных реках, одна из которых – Атрек, а другая – какой-то левый приток Амударьи, но не Герируд-Теджен (GR. P. 80, 81; R. P. 203, 204), – далеко не ново; я давно уже обосновывал идентичность этой второй реки с Кундузабом²². То обстоятельство, что эта река в древности и средневековье была известна также под названием «Даргам», несколько не противоречит такому предположению: два разных названия могли прилагаться и к одной реке, могли относиться и к двум разным истокам этой реки. И в средние века Даргам считался лишь одной из двух сливающихся рек²³; в сущности то же мы видим и у Птолемея (VI. 11. 2. 4): Даргоман является правым притоком Оха, на котором стоит город Мараканда, – читай: Дрепса (поменявшаяся местами с Маракандой), т.е. современный Андараб (но вряд ли Кундуз), и есть основания считать, что река Андараб действительно носила в древности название «Даргам»²⁴.

Видимо, вопреки мнению наших авторов, вообще нельзя однозначно решить, какая река – и только она – называлась в древности Охом, а какая – Оксом. Несомненно, что и Пяндж именовался Охом (работы И.М. Стеблин-Каменского), а в некоторые эпохи это название (Вахви, Вех) распространялось и на всю Амударью. Точно так же Оксом назывался не только современный Вахш; в средние века это название (Вахш) носила и река Хульбука, ныне кулябская Кызылсу²⁵, а судя по Птолемею (VI. 12. 5), так же обстояло дело и в

¹⁹ Там же. С. 47–48.

²⁰ Там же. С. 47.

²¹ Там же. С. 36, 37; см. Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 244, 245.

²² См. *он же*. Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1983. С. 66, 67; *он же*. Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. 1994. № 4. С. 204; *он же*. Средняя Азия... С. 246, 247.

²³ Hudud al-'Alam. «The regions of the world» / Transl. and explain. by V. Minorsky. L., 1937. P. 71, 72, 209.

²⁴ Markwart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 178.

²⁵ Markwart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901. S. 234; Markwart. Op. cit. S. 33.

древности, поскольку Холбисину (Хульбук) и Маруку (Мунк?) он помещал на Оксе (ср. GR. P. 85; R. P. 204, 205, 208, 217). В эпоху Александра это название распространилось тоже на всю Амударью.

Как уже было отмечено выше, одним из двух пунктов полемики наших авторов с позицией П. Бернара, изложенной им в работе 1990 г., является вопрос о стране паретаков. Они считают, что нет свидетельств о большей принадлежности этой страны Бактрии, нежели Согдиане, и что слова Арриана (IV. 21. 1), вроде бы противопоставляющие Согдиану паретакам, на самом деле противопоставляют уже замиренную Согдиану неподчинившейся горной ее части (GR. P. 86; R. P. 220). Но слова Арриана: Александр, «закончив дела у согдианов» (ὡς τὰ ἐν Σογδιανοῖς ἄνω διετέλεστροκτο), пошел на паретаков – вряд ли можно понять как-либо иначе, чем противопоставление Согдианы стране паретаков. При этом последняя охватывала не только Байсунские горы с предгорьями (GR. P. 86), но, по-видимому, всю равнинную часть области истоков Амударьи выше Термеза²⁶. И хотя страна паретаков прямо бактрийской в источниках не названа, сопоставление разных версий о походе туда Александра показывает, что эта страна, занимая несколько обособленное положение между Согдианой и Бактрией, все же считалась частью последней²⁷.

О том же свидетельствуют данные, относящиеся ко второму пункту полемики. Это вопрос о местоположении скалы Хориена-Сисимитра. Скала Хориена, по Арриану (IV. 21. 1), находится в стране паретаков, а Страбон (XI. 11. 4) помещает соответствующую ей скалу в Бактрии. Авторы обзриваемой статьи, отвечая на этот довод, считают, что скала Сисимитра может и не соответствовать скале Хориена, к тому же и находилась она будто бы в Наутаке, т.е. в Согдиане, а бактрийской она названа лишь потому, что на ней скрывался бактриец Оксиарт (GR. P. 86; R. P. 220). Но источниковедческий анализ подтверждает обычное мнение об идентичности скалы Хориена и скалы Сисимитра: там, где в версии «А» говорится о скале Хориена (у Арриана – IV. 21. 1–10 и Курция – VIII. 4. 21–30), в версии «В» фигурирует скала Сисимитра (у Курция – VIII. 2. 19–33; 4. 1–20); что же касается местонахождения скалы Сисимитра якобы в области наутаков (у Курция – VIII. 2. 19), то, как установил еще И. Маркварт, это сообщение обязано путанице, в результате которой место отправления Александра (область наутаков) было совмещено с местом прибытия (область паретаков), при этом название первого вытеснило название второго; трудно также поверить, что скала была названа бактрийской только потому, что там жила дочь Оксиарта, – по Арриану (IV. 18. 4; 19. 4), например, семья Оксиарта скрывалась на скале, которую этот автор, тем не менее, называет согдийской; сама скала Сисимитра и ее ущелье еще В. Томашеком была очень удачно отождествлена с Железными воротами (Бузгалахона), где находился тогда укрепленный пост, отмечавший границу между «странами» – в данном случае между Согдианой и Бактрией²⁸.

Такова полемика наших авторов с той точкой зрения о границе между Согдианой и Бактрией, которая изложена в работе П. Бернара 1990 г. Как видим, та же точка зрения изложена и в моей работе 1982 г. «Бактрия...», где можно найти готовые контраргументы на доводы авторов рассматриваемой

²⁶ Об этом см. Пьянков И.В. Об авестийском «Семиречье» // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 198–202.

²⁷ *Он же*. Бактрия... С. 43, 44, 47, 53.

²⁸ Там же. С. 42–46.

статьи. Это мое исследование содержит, в свою очередь, полемику с более ранней работой П. Бернара 1978 г., где его позиция в вопросе о согдийско-бактрийской границе, как уже отмечалось, радикально отличается от более поздней, 1990 г. Но свидетельства в пользу того, что территория Бактрии распространялась и на правобережье Верхней Амударьи и Пянджа, до Байсунских гор и Гиссарского хребта, не ограничиваются теми данными, которые фигурируют в полемических рассуждениях авторов рассматриваемой статьи. В монографии «Бактрия...» я привел и другие аргументы: сообщения источников о том, что известные им притоки Амударьи вливаются в нее на территории Бактрии, о месторождениях золота и соли на Вахше-Сурхобе как бактрийских и даже о ночных пылающих вихрях – подземных пожарах Фан-Ягнобского угольного месторождения – тоже как бактрийских; я дал объяснение и тем сообщениям, которые на первый взгляд противоречат представлению о Бактрии как о стране по обоим берегам Верхней Амударьи: об Оксе и Яксарте, будто бы протекающих по земле согдийцев, о лазурите как продукте Согдианы²⁹.

Еще одна большая проблема, затронутая в рецензируемой работе, – на этот раз только в той ее части, которая принадлежит одному К. Рапену, – это проблема интерпретации *среднеазиатского участка* (Маргиана, Бактриана, Согдиана, саки) *карты Птолемея*. По представлению автора, история сложения данной части карты Птолемея, обусловившая характер основных ее компонентов, сводится к следующему. Карта прошла два этапа в своем формировании, каждый из которых нашел отражение в ее содержании. Первый этап – это формирование некоей карты селевкидского времени (III в. до н.э.), источником для которой послужили какие-то графические документы, составленные с административными и фискальными целями: путем монтажа этих региональных карт, сопровождавшегося многочисленными искажениями – перемещениями и ротациями (до 180?), и была составлена селевкидская карта; направление течения рек, в том числе Окса, очертания Согдианы («подножие виселицы»), карта которой была составлена из трех первичных карт-документов, конфигурация соседних с Согдианой стран – все это имелось уже на селевкидской карте, обнаруживающей известное сходство с картой Эратосфена. Второй этап – это пополнение селевкидской карты новыми элементами, произведенное Марином Тирским и самим Птолемеем, которые использовали новые источники, особенно итинерарий Мая Тициана (R. P. 209–219).

Такая интерпретация принадлежит к числу тех гипотез, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Различные «ротации» – чистое предположение, с помощью которого можно объяснить все что угодно³⁰. Но вообще метод, подразумеваемый этой гипотезой, – создание глобальной карты путем кропотливого комбинирования многих региональных карт-документов – не очень типичен для античной науки. Широкие обобщения и в античной географии, и в античной историографии всегда создавались на основе и в рамках литературной традиции, новые сведения могли менять лишь отдельные детали в традиционных схемах, старые схемы обычно не отвергали, а стремились совместить с новыми. Документальный материал если и использовался, все же оставался в известной мере внешним довеском; в античной картографии таким докумен-

²⁹ Там же. С. 48–52.

³⁰ Хотя, пожалуй, такое отношение к данным Птолемея все же является шагом вперед по сравнению с «консервативным» подходом, когда данные Птолемея принимали такими, каковы они есть, и пытались прямо перенести их на современную карту, как это делал, например, А. Бертелло: *Berthelot A. L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémé*. P., 1930.

тальным материалом служили итинерарии, которые просто накладывались на традиционные картографические схемы.

Если рассматривать данные Птолемея на широком фоне античной географической традиции (что К. Рапен и не пытался делать), то все это мы обнаружим и в них. Конечно, и в этом случае выводы будут гипотетичными, но все же проверяемыми, опирающимися на конкретный фактический материал, на сравнение с данными других античных авторов. Именно с таких позиций я и анализировал в упомянутой своей книге³¹, – разумеется, тоже игнорируемой французскими авторами, – те самые сведения Птолемея, которыми занимается автор обозреваемых статей.

И в данном случае я воздержусь от критического разбора всех деталей интерпретации Птолемея, предложенной К. Рапеном, и дам свою трактовку тех узловых моментов в сведениях источника, на которых сосредоточил внимание и французский исследователь: это направление течения Окса и Яксарта на карте, конфигурация и содержание карт Согдианы и ее соседей. Читатель сам может сравнить оба подхода. Свою интерпретацию я изложу здесь по необходимости кратко, в тезисной форме. Обоснование читатель найдет в моей книге «Средняя Азия».

При составлении карты всего интересующего нас региона Птолемей использовал две основные картографические схемы, выработанные его предшественниками и дополненные данными итинерария. В первой схеме Согдиана со своими соседями – Бактрианой, с одной стороны, и Страной саков, с другой, – располагались по широте, с запада на восток, во второй – по долготе, с юга на север. У Птолемея показано и то, и другое. Судя по словам самого Птолемея (I. 16) еще в его непосредственном источнике, в работе Марина, оба способа взаиморасположения Согдианы и ее соседей были показаны раздельно: в одном месте Марин говорил о соседстве согдианов и саков на юге с Индией, в другом – проводил через земли этих народов только одну параллель, – параллель середины Понта. Первое из этих указаний подразумевает широтное расположение Согдианы и упомянутых ее соседей и имеет в виду схему Эратосфена, а второе приводит к заключению о расположении Согдианы и, частично, Страны саков к северу от Бактрианы и соответствует схеме Гиппарха³². На основе этих двух схем Птолемей создал две свои, разместив их на одной карте.

Первая схема Птолемея включает группу гор – Паропанис, «собственно Кавказские горы», Имай – и реки Окс и Яксарт. В основе ее лежит схема Эратосфена³³. Но на эту основу наслоилось много более поздних данных, заимствованных у Гиппарха, Посидония и из новейших итинерариев.

В соответствии с первой схемой Паропанис отделяет Бактриану от паропанисадов, Кавказские горы – Согдиану от Индии, а Имай – саков от той же Индии. Все эти три хребта, тянущиеся непрерывной цепью вдоль южной границы трех стран, – не что иное, как след Эратосфеновой концепции Тавра, разделяющего всю Азию на две половины, южную и северную³⁴. Эта концепция и обусловила широтное расположение указанных трех стран на карте и сопредельность их с Индией. Правда, Согдиана у Птолемея занимает пространство и к северу от Бактрианы. В этом заключается наиболее существенное отли-

³¹ Пьянков. Средняя Азия... С. 266–278.

³² Там же. С. 154, 271.

³³ Там же. С. 95, 96, 242–247, 267.

³⁴ Там же. С. 234–242.

чие рассматриваемой схемы от схемы Эратосфена и сближение ее со схемой Гиппарха.

Окс и Яксарт у Птолемея, как и у Эратосфена, текут с гор сначала на север, затем поворачивают на запад и впадают в Гирканское море. Окс отделяет Бактриану от Согдианы, Яксарт вместе с линией, продолжающей его от истока до Кавказских гор, – Согдиану от саков; далее Окс и Яксарт протекают по Скифии. Окс изображен у Птолемея, в общем и целом, по Эратосфену. Исток Окса помещен на рубеже между Кавказскими горами и Паропанисом. Еще современники Александра считали, что эта река начинается на Кавказе. Далее Окс, как и у Эратосфена, делает поворот с юга на запад. Яксарт изображен у Птолемея тоже в основном по Эратосфену. И он течет сначала на север, потом на запад. Птолемей (VI. 12. 1; 13. 1) даже прямо говорит о «повороте» Яксарта. Об этом повороте Птолемей располагал реальными сведениями из новых источников, но новым сведениям было дано такое толкование, какое подсказывала традиционная линия Яксарта в схеме Эратосфена³⁵. Однако исток Яксарта Птолемей, следуя новейшим данным итинерария Мая Тициана, переместил в горную страну комедов, на более северную широту. Это – наиболее заметное изменение в первоначальной схеме, заимствованной у Эратосфена. Но и в данном случае линия, проведенная от нового истока Яксарта к рубежу между Кавказскими горами и Имаем, находящемуся на одной долготе с истоком Окса, и служащая рубежом между Согдианой и Страной саков, повторяет, в сущности, курс Яксарта первоначальной схемы³⁶.

Диафеса племен на карте Птолемея имеет как бы два плана: первый – крупный и второй – мелкий. Диафеса первого плана – это народы и страны ранга «эпархий» или «сатрапий». Таковы Бактриана, Согдиана, саки, скифы (VI. 11. 1; 12. 1; 13. 1; 14. 2). Здесь карта Птолемея следует в основном Эратосфену. Диафеса второго плана касается племен, являющихся, по мнению Птолемея, частями упомянутых выше крупных народов. Но списки «племен» отдельных стран, которые приводит Птолемей, в большинстве случаев не имеют никакого отношения к действительному племенному составу этих стран. Таковы и «племена» Бактрианы и Согдианы. Для заполнения карт указанных стран были использованы куски географических описаний, отнесенные к Бактриане или Согдиане только потому, что в них говорилось о географических объектах левобережья Окса или междуречья Окса и Яксарта: в соответствии со схемой Эратосфена первые были отнесены к Бактриане, вторые – к Согдиане. В данном случае использованы сведения, заимствованные у авторов более поздних, чем Эратосфен.

Такая трактовка племенной номенклатуры Птолемея позволяет предполагать, что по крайней мере некоторые из племен диафесы первого плана могут иметь двойников среди племен диафесы второго плана. И действительно, среди последних обращают на себя внимание «дрепсианы», не известные из других источников. Видимо, название их образовано от названия города «Дрепса», который у Птолемея является метрополией согдианов (VI. 12. 6). Похоже, что народ, одноименный со столичным городом Согдианы, обитавший к востоку от хорасмиев и «соединяющий» Окс и Яксарт в их среднем течении, т.е. живущий между ними, который фигурирует у Птолемея под искусственным названием «дрепсианов», – не что иное, как собственно согдийцы, согдийцы

³⁵ Там же. С. 267–270.

³⁶ Там же. С. 269.

упомянутой диафесы второго плана. Сама Дрепса попала на карту Согдианы по недоразумению, из-за путаницы, допущенной Птолемеем или Марином. В результате этой путаницы бактрийский город Дрепса поменялся местами с действительной столицей согдийцев, Маракандой; Мараканда с ее рекой Даргоманом, ее двойник Маракодра, возможно, тоже с соответствующей рекой, и ближайшие к ним племена были перенесены в Бактриану. Так большой участок карты Согдианы оказался в Бактриане. Восходят все эти сведения Птолемея, видимо, к Эратосфену и через него к историкам Александра³⁷.

Какие еще объекты в этой части карты Птолемея могут восходить к Эратосфену? Их можно искать, например, в южной части Согдианы, изображенной по Эратосфену: к северу от Кавказа и Индии, между Оксом и Яксартом, Бактрианой и саками – по широте. Действительно, здесь Птолемей поместил Александрию Крайнюю, сведения о которой восходят к историкам Александра, т.е. к обычному источнику Эратосфена. На первый взгляд этот город, возведенный на берегу Яксарта, занимает на карте очень странное положение: на крайнем юге Согдианы, много южнее истока Яксарта. Но его положение вполне соответствует представлениям Эратосфена: он находится прямо к востоку от Бактры. Отрыв его от Яксарта объясняется тем, что старые его координаты оказались несогласованными с новой трактовкой начала Яксарта, отнесенного на север в соответствии с новыми путевыми данными³⁸.

Однако гораздо большая часть племенной и иной номенклатуры интересующего нас участка карты Птолемея восходит, как уже говорилось, к более поздним авторам. Это имена из этнического окружения Окса и Яксарта от их нижнего течения до верхнего, такие как оксианы и хорасмии, кирродеи, дербикки – по Оксу, яксарты, ятии и тахоры, аугалы, аристеи и гриней – по Яксарту и еще многие другие. Сопоставление этих перечней с данными других авторов позволяет предполагать принадлежность их традиции Посидония, во многом близкой к Гиппарху (не случайно имена из этих перечней приурочены в основном к северной части Согдианы). Сам же Посидоний здесь в значительной степени зависел от Аполлодора Артемитского, а в описании Маргианы, где упоминаются «дербикки, они же деркебии» и массагеты «под ними», – и от еще более раннего автора, возможно, от Эвдокса Книдского³⁹.

Вторая схема Птолемея совмещена с первой, основной, построенной по Эратосфену. Эта вторая схема по всем признакам близка той, которую я возвожу к Гиппарху. Элементы данной схемы представлены на карте Согдианы, расположенной к северу от Бактрианы. Это Согдийские горы, которые простираются посередине между Оксом и Яксартом, с гор текут безымянные реки, сливающиеся с Оксом и Яксартом, одна из этих рек образует Оксианское озеро (VI. 12. 2. 3); если принять одно из альтернативных чтений текста для координат середины этого озера, то река должна протекать через Оксианское озеро на пути к Оксу, если же предпочесть другое чтение, засвидетельствованное в рукописях, представляющих самостоятельную рецензию текста, то получится, что река направляется к Оксианскому озеру на север, и через это же озеро протекает Яксарт, так как широта его основного течения совпадает с шириной озера⁴⁰. С юго-запада на северо-восток простираются Оксианские горы,

³⁷ Там же. С. 76.

³⁸ Там же. С. 154, 271.

³⁹ Там же. С. 100, 128, 213, 272, 273.

⁴⁰ Там же. С. 273, 274.

примыкая на северо-востоке к Оксианскому озеру, если принять второе из указанных чтений (VI. 12. 1; ср. VI. 10. 1). Вторая схема имеет и свою диафесу племен, являющуюся частью диафесы «второго плана». Это племена Согдийских и Оксийских гор: оксидранки, дрибакты и кандары вдоль Согдийских гор и мардиены под горами, пасики у Оксийских гор (VI. 12. 4); между пасиками и мардиенами, судя по карте, должна протекать одна из рек, берущих начало в Согдийских горах и сливающихся с Оксом.

Соответствующая картографическая схема традиции Гиппарха восстанавливается следующим образом: Окс и Яксарт текут в основном в широтном направлении, с востока на запад; Окс начинается в «Кавказских горах» и принимает пять притоков, текущих оттуда же, Яксарт имеет три истока в Скифии, в землях саков; обе реки, кроме того, имеют истоки и в Согдийских горах, находящихся между ними; Окс в нижнем течении поворачивает на север и впадает, как и Яксарт, в Оксианское озеро, имея здесь устье между пасиками и амардами, а затем течет на юг и впадает в Каспийское море между гирканцами и дербиками⁴¹.

В целом виде эта схема на карте Птолемея не представлена, но почти все ее элементы так или иначе отражены. Здесь и истоки Окса и Яксарта в Согдийских горах, и течение Окса (= безымянной реки, сливающейся с Оксом) между пасиками и мардиенами, и впадение Окса на севере, как и Яксарта, в Оксианское озеро (если помещать последнее у северо-восточного конца Оксийских гор), возле которого обитают оксидранки, а рядом – дрибакты и кандары, и не показанное на карте, но подразумеваемое течение Окса из Оксианского озера на юго-запад, вдоль Оксийских гор и обитающих там пасиков к Гирканскому (Каспийскому) морю⁴². Здесь и исток Окса в «Кавказских горах» и пять его притоков, текущих с хребта Паропанис (обычно отождествляемого с тем же восточным «Кавказом»), и три истока Яксарта в горах саков (VI. 11. 2; 12. 3). Из этой схемы Птолемей, видимо, заимствовал лишь общее число притоков и истоков, имена же им он дал, вместе с сопутствующей номенклатурой, совершенно произвольно, исходя из каких-то своих соображений.

Разный подход к истолкованию данных Птолемея, естественно, дает и разный результат. Это можно показать на примере интерпретации сведений Птолемея о Согдийских и Оксийских горах и связанных с ними объектах. Путем совершенно произвольных манипуляций Ф. Грене и К. Рапен получают карту, на которой Согдийские и Оксийские горы – один и тот же хребет, а именно Гиссарский с его юго-западными отрогами, а все связанные с этими горами объекты Согдианы располагаются между Гиссарским хребтом и Амударьей-Пянджем – в идеальном соответствии с ими же объявленной границей между Согдианой и Бактрией по Амударье-Пянджу (GR. P.84; R. P. 204, 206, 207, 214, 216, 223, 224). Источниковедческий анализ данных Птолемея с выделением в них компонентов разного происхождения дает совсем иной результат.

Согдийские горы междуречья Окса и Яксарта, которые начинаются близ Оксианского озера и простираются вплоть до истоков Яксарта, с которых текут реки, впадающие и в Окс, и в Яксарт, – это, конечно, вся цепь гор среднеазиатского междуречья, как обычно и считают современные исследователи, –

⁴¹ Там же. С. 247–266, 275–278.

⁴² Там же. С. 275–278.

цепь гор от Султан-Уиз-Дага до Памиро-Алая и Тянь-Шаня, которую еще и в средние века считали единым хребтом⁴³.

Оксидранки (Ὀξυδράκται) – окситтаги (Oxyttageae) Плиния (VI. 48), т.е. «обитатели Оксианского озера»⁴⁴, и дрибакты (Δρυβάκται) – дрибики (Dribyses) Плиния (VI. 48), живущие по Оксу близ Оксианского озера, т.е. «лесные обитатели»⁴⁵ (не путать с дербиками), – помещены Птолемеем у западного конца Согдийских гор, т.е. у хребта Султан-Уиз-Даг. Это обитатели дельтовых областей Амударьи, заросших тугайной растительностью, в частности и Сарыкамьшской дельты, как известно, функционировавшей в те времена. И в средние века знали о Хорезмском или некоем безымянном озере, поросшем камышами, у западной оконечности упомянутого хребта среднеазиатского междуречья.

Кандаров Птолемей помещает дальше к востоку вдоль Согдийских гор. Название этого народа, по-видимому, связано с итинерарием, который восстанавливается по данным Плиния (VI. 48) и Мелы (I. 13); итинерарий содержал следующий перечень: хорасмы, кандары, париканы (паритаканы?), заранги. Ему соответствует средневековый путь из Несефа в Термез через Кандак, Железные ворота, Даранк (< Заранг)⁴⁶. Мардиены (Μαρδιυνοί) – мандруаны (Mandruani) Плиния (VI. 47) помещены к югу от народов Согдийских гор, ближе к Оксу. Видимо, след этих мардиенов сохранился в названии селения Амуль⁴⁷ (затем Чарджоу, теперь Туркменабад), где находилась переправа через Амударью, ведшая ко многим крупным городам среднеазиатского междуречья, в том числе и к Несефу.

Оксийские горы в том виде, в каком они представлены на карте Птолемея, всегда были загадкой для исследователей, пытавшихся расшифровать эту карту⁴⁸. Привлечение картографической схемы, принадлежащей традиции Гиппарха, к расшифровке данных Птолемея помогает выявить реальный прообраз Оксийских гор. Эти горы, тянущиеся на юго-запад от Согдийских гор и Оксианского озера к Гирканскому (Каспийскому) морю, – не что иное, как возвышенности и обрывы плато Устюрт, спускающиеся к Узбою. Пасики, обитающие вдоль этих гор, – хорошо известные апасиаки, жившие от междуречья Окса и Яксарта вдоль Узбойского рукава Окса вплоть до рубежей Гиркании.

Очень важным компонентом интересующей нас части карты Птолемея является итинерарий Мая Тициана. Выше уже было показано, что данные этого итинерария влияли на формирование картографических схем Птолемея. Но выделение на карте Птолемея конкретных элементов, которые можно возвести к упомянутому итинерарию, – задача непростая. Во всяком случае, метод К. Рапена, позволяющий ему возводить к итинерарию целиком тот или иной параграф текста Птолемея (R. P. 207–209, 217–219), кажется не очень убедительным. Мой вариант реконструкции среднеазиатского участка итинерария

⁴³ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 50–53.

⁴⁴ Markwart. Op. cit. S. 78.

⁴⁵ Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877. S. 25.

⁴⁶ О средневековом итинерарии: Ibid. S. 27, 28; ср. Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 123, 191–193.

⁴⁷ Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Ht 2. Lpz, 1905. S. 57, 137.

⁴⁸ См., например: Савицкий Г.И. Древняя Согдиана по данным античных писателей // Труды Самаркандского гос. пед. ин-та. Т. I. Вып. 1. Самарканд, 1940. С. 10.

Мая Тициана по данным Птолемея тоже давно изложен в опубликованных исследованиях⁴⁹.

Хотелось бы остановиться также на некоторых других проблемах, затронутых в рецензируемых работах. Авторы их не единожды возвращаются к вопросу о том, как город Мараканда (Самарканд) на карте Птолемея оказался в Бактриане. Они принимают объяснение, предложенное еще В. Томашеком: Птолемея ввело в заблуждение название «Даргом», прилагавшееся и к каналу, на котором стоит Самарканд, и к одной из бактрийских рек (GR. P. 86, 87; R. P. 202, 212, 217, 222). Этот вопрос давно и в нескольких работах рассматривался также мною с учетом всех деталей источников и всей предшествующей литературы. В результате выяснилось, что Птолемей (или его предшественник Марин) не только перенес Мараканду с сопутствующими объектами в Бактриану из Согдианы, но и поменял ее местами с Дрепсой, которую перенес из Бактрианы в Согдиану⁵⁰.

Ф. Грене и К. Рапен пытаются также объяснить странное положение Александрии Эсхаты (Ходжента) на карте Птолемея, принимая к тому же отождествление Александрия Эсхата = Антиохия в Скифии (GR. P. 84; R. P. 202, 203, 212, 221). Выше я уже изложил свое объяснение этого факта, обоснованное в моих более ранних работах: Александрия Эсхата на карте Птолемея является остатком Эратосфеновой картографической схемы⁵¹. Что касается соотношения двух упомянутых городов, то старое предположение, восходящее к У. Гарну, о том, что Александрия Эсхата была восстановлена под именем Антиохии, – не подтверждается: Александрия Эсхата и Антиохия в Скифии – разные города⁵².

Допуская, видимо, существование только одной Нисеи, К. Рапен подвергает «ротации» данные Птолемея (VI. 10. 4) о маргианском городе Нисее, стараясь приурочить его к Копет-Дагу (R. P. 206, 207, 214, 216), т.е. поместить туда, где находился известный парфянский город Ниса. Между тем в маргианской Нисее Птолемея давно, во всяком случае со времен В. Гейгера (W. Geiger), распознан древний Меймене⁵³. И Птолемей, опираясь, видимо, на итинерарий, довольно верно определяет его местоположение: к востоку от правого истока реки Марг (т.е. Верхнего Мургаба), у северных склонов горного хребта.

К. Рапен предлагает свою трактовку данных Птолемея о стране комедов и соответствующем участке Великого шелкового пути (R. P. 211, 218, 219, 224, 225) (обильнейшая научная литература, посвященная этой теме, в том числе и на русском языке, тоже большей частью осталась вне поля зрения французского исследователя; непосредственно на эту тему немало писал и я⁵⁴). С этим же путем, возможно, связаны и сведения Птолемея (VI. 12. 4) о стране

⁴⁹ Пьянков. Средняя Азия... С. 72–77, 152–155, 269, 270; см. также *он же*. «Шелковый» путь из Гиераполя в Серику // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985. С. 122–140.

⁵⁰ *Он же*. Мараканды... С. 37, 38; *он же*. Самарканд... С. 51–57; *он же*. Средняя Азия... С. 76, 272.

⁵¹ *Он же*. Бактрия... С. 35, 36; *он же*. Средняя Азия... С. 154, 271.

⁵² См. *он же*. Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 76–78; *он же*. Античные авторы... С. 203, 204.

⁵³ См. *он же*. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // ВДИ. 1996. № 3. С. 13.

⁵⁴ См. *он же*. Средняя Азия... С. 75–77, 269, 270; *он же*. Шелковый путь... С. 130–137; Pjan-kov I.V. The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. N.S. 1994. V. VIII. Bloomfield Hills, 1996. P. 41, 42.

Вандабанда. К. Рапен помещает Вандабанду в Фергану (R. P. 212, 222), но есть основания искать эту горную «страну пограничных крепостей» южнее, в Вахане с его горными крепостями и в соседних горных областях⁵⁵.

К. Рапен замечает сходство материалов Птолемея с перечнем племен у Плиния (VI. 47. 48), но не знает, что делать дальше с этим своим наблюдением (R. P. 216), – какие выводы из него следуют? Между тем здесь затронута очень интересная и важная проблема: широтное членение и районирование ойкумены в античной географии, – не говоря уже о том, что сам указанный отрывок из сочинения Плиния давно и многократно подвергался истолкованиям разного рода; я предложил считать отдельные места из определенной части сочинения Плиния (VI. 36–55), имеющие отношение к упомянутой проблеме и совпадающие с данными Мелы, свидетельством традиции Агриппы, а это последнее вместе с соответствующими данными Птолемея – наследием традиции Гиппарха⁵⁶. В рамках традиции Агриппы хорошо расшифровываются и данные об Оксе и соседних реках, «приписанные карте мира [времен] Августа» и представляющие «источник информации, трудный для анализа» (R. P. 224, имеется в виду карта, описанная в «Космографии» Юлия Гонория⁵⁷). Однако нельзя не согласиться с тем, что в конечном счете все эти данные восходят к каким-то итинерариям.

Впадение Окса (Амударьи) в Каспийское море, показанное на карте Птолемея, – это, по мнению К. Рапена, ошибка, обусловленная только случайными манипуляциями с древними картами (R. P. 203, 221). Таким образом, все открытия российских и туркменских археологов в зоне Узбоя за последние годы⁵⁸, весь комплекс решенных и нерешенных проблем, связанных с этими открытиями, – все это осталось за пределами осведомленности французского исследователя.

В рецензируемых статьях имеются и удачные места, отдельные находки, но отсутствие настоящего источниковедческого подхода к используемому их авторами материалу и игнорирование научной литературы, которая помогла бы в осуществлении такого подхода, в значительной мере обесценивают эти работы.

ANCIENT SOURCES ON CENTRAL ASIA AND THEIR INTERPRETATION

(Apropos of Two Works by F. Grenet and C. Rapin)

I.V. Pyankov

The article presents a critical analysis of a paper by F. Grenet and C. Rapin, dedicated to the problems of historical geography of Central Asia (especially of Bactria and Sogdiana) in ancient times. The author indicates that the starting points of their reconstructions were artificial and therefore their conclusions are not convincing.

⁵⁵ Pyankov. The Ethnic History... P. 42–45.

⁵⁶ Пьянков. Средняя Азия... С. 147–152, 171–175.

⁵⁷ Расшифровку ее см. *он же*. Средняя Азия... С. 263–266, 300.

⁵⁸ См. о них: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999. С. 36–52, 94–96, 137–152.